

Вечером у постоянного двора Инфу, что в южном городке, появился мужчина в черном, бережно несущий на руках человека. Постоялец прошел внутрь, и слуга тут же зашептался с хозяйкой:

— Подумать только, в наших краях и такая диковина! Человек у него на руках, хоть лица и не видать, но я готов голову дать на отсечение — это мужчина!

Хозяйка, выронив семечки, округлила глаза:

— Да ты что? Может, братья! Чего ты мелешь?

Слуга возразил:

— Какие там братья! Братьев обычно волоком тащат, а не так нежно. Мой старший брат, бывало, чуть что — оглушит, за ногу схватит и тащит, как мешок...

Хозяйка хмыкнула:

— Ну, брат брату рознь, на лицо глянуть надо. А с твоей-то физиономией — я бы и смотреть не стала, не то что тащить.

В комнате Цзян Линь осторожно опустил Син Чжаоюэ на кровать и укрыл одеялом, а затем велел подать горячей воды. Лишь после этого он разбудил его.

Син Чжаоюэ, с наслаждением нежась в бочке, не мог прийти в себя от изумления: он умудрился заснуть прямо в объятиях Цзян Линя! Очнувшись, он был так шокирован, что даже не нашелся с ответом. Ему хотелось спросить, что же такого сотворил Цзян Линь, что он провалился в такой глубокий сон, но побоялся показаться мелочным. Вместо этого он просто выставил Цзян Линя за дверь, велел купить сменную одежду — в конце концов, негоже постоянно ходить в чужих объятиях.

У Цзян Линя при себе вечно было пусто, но, раздевая Син Чжаоюэ, он прихватил из его окровавленных одежд немало золотых монет. Что ж, богатые отпрыски — народ особый, у них даже на поясе всегда найдется пара-другая золотых.

На рынке он купил два наряда — черный и белый. Видимо, одухотворенная внешность Син Чжаоюэ подсказала ему, что лишь белый цвет достоин его красоты. Поразмыслив, он прикупил еще и сапоги. Ощущение красавца в руках — это, конечно, приятно, но если по пути снова встретятся враги, будет крайне неловко.

Когда он вернулся, Син Чжаоюэ уже закончил купаться. Он сидел у стола в белой исподней рубашке, с мокрыми волосами. Цзян Линь удивился:

— Откуда одежда?

Син Чжаоюэ бросил на него взгляд:

— У хозяина попросил.

Цзян Линь усмехнулся, бросил сверток на кровать и сел рядом. Заметив, что волосы Син Чжаоюэ до сих пор влажные, он без лишних слов взял чистое полотенце и принялся их вытирать.

Син Чжаоюэ замер с чашкой чая в руке, но тут же невозмутимо поднес ее к губам и допил.

— Я думал, ты снова начнешь злиться, — заметил Цзян Линь, продолжая ловко орудовать полотенцем.

Син Чжаоюэ нахмурился. Что значит снова? Он что, трехлетка?

— Если кто-то готов услужить, зачем же злиться? — недовольно бросил он.

— Ха-ха, — тихо рассмеялся Цзян Линь. — А хочешь, я и спать тебя уложу? — его голос прозвучал вызывающе легкомысленно.

Син Чжаоюэ вскочил со стула:

— Вон отсюда!

Если бы не тяжелая рана в спине, он бы без колебаний ввязался в драку. Но применять силу было нельзя, оставалось только кричать.

— Ладно-ладно, Юэхэн, не злись, — примирительно сказал Цзян Линь. — Я подожду, пока ты примешь меня. А пока — ни пальцем тебя не трону, идет?

Он искренне считал, что это величайшая уступка, ведь при желании он мог бы взять свое силой.

Син Чжаоюэ был на грани, но тут услышал за спиной:

— Рана еще не затянулась, не нервничай, а то снова жар поднимется. А ты ведь мне не даешься.

Син Чжаоюэ обернулся и нахмурился:

— Как ты можешь говорить об этом с таким невозмутимым видом?

Тот в ответ лишь широко распахнул глаза:

— О чем это я?

— Бесстыдник! — только и смог выдавить из себя Син Чжаоюэ.

Цзян Линь тихо рассмеялся и вышел распорядиться, чтобы принесли легкой еды.

Син Чжаоюэ злился на его дерзость, но должен был признать — о людях этот парень заботиться умеет. Еда была легкой и как раз подходила для его состояния. Раньше, когда он в горах был вынужден есть зайчатину, у него тут же поднимался жар, а сейчас, глядя на заботу Цзян Линя, он даже почувствовал легкое смятение.

Цзян Линь принят подкладывать ему еду. Син Чжаоюэ до самого конца трапезы хмурился: в этой жизни, кроме его собственного отца-императора, никто не смел класть ему еду в чашку!

— Мы не настолько близки, не надо мне подкладывать. Мне это противно, — он отложил палочки.

Цзян Линь прыснул:

— Юэхэн, мы же столько вместе пережили, как можно говорить, что не близки? Тем более, оставался всего один шаг...

— Довольно! — Син Чжаоюэ оборвал его, не желая слушать эти пошлости.

Он дошел до кровати и лег, укрывшись одеялом. Цзян Линь взглянул на него и вышел, чтобы попросить слугу убрать посуду. Слуга, который все это время подглядывал у двери, увидел картину: один сидит, другой лежит. Ну точно, молодые супруги поссорились!

Быстро убрав тарелки, слуга напоследок заглянул на кровать и, уходя, не преминул посоветовать:

— Отдыхайте, господа. А что не решили сегодня — завтра уладится.

Син Чжаоюэ сдернул одеяло, но слуга уже закрыл дверь. В комнате остался только Цзян Линь, с трудом сдерживающий смех.

— Почему ты еще здесь? — спросил Син Чжаоюэ. Неужели они сняли всего одну комнату?!

— М? А куда мне идти? — невинно поинтересовался Цзян Линь.

Син Чжаоюэ отрезал:

— Господин Цзян, не нужно экономить на мне деньги. Возьми себе комнату по соседству и отдохни как следует. Ты меня спас, я не обеднею от пары монет. Иди!

Цзян Линь встал и подошел к кровати:

— Уйду я, а ты среди ночи проснешься, захочешь обняться, а меня и след простыл.

Син Чжаоюэ вытаращил глаза. Да он просто невыносим!

На самом деле, с таким человеком, как Цзян Линь, спорить было бесполезно: если ты не сопротивляешься, он радуется, а если сопротивляешься — он берет свое силой. Син Чжаоюэ не мог пустить в ход оружие, а потому каждый раз терпел поражение.

<http://bllate.org/book/18639/1794926>